

М. С. Розанова, В. Л. Михеев

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВА КАК МЕХАНИЗМ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

В статье представлен сравнительный анализ натурализации мигрантов в европейских странах и США. Общие тенденции в процессе интеграции мигрантов частично подтверждают и частично опровергают представление о том, что «исламский фактор» имеет значение в процессе интеграции и политической социализации мигрантов. Среди анализируемых показателей — численность, уровень образования и доходов, гражданская и религиозная идентичность мусульман-иммигрантов.

Ключевые слова: интеграция мигрантов, мусульманская диаспора, натурализация, гражданство.

Современные миграции являются неотъемлемой и наиболее значимой составляющей глобализации. В 2010 г. общее число мигрантов в мире достигло беспрецедентного уровня в 214 млн человек (<http://www.un.org/esa/population/migration/index.html>, 2011). С середины XX в. в число стран, традиционно принимающих мигрантов, вошли государства Европы. В частности, в 2009 г. численность иммигрантов достигла отметки: в Германии в 10,8 млн человек, или 13,1% ; в Нидерландах — 1,8 млн, или 10,5%; в Швейцарии — 1,8 млн, или 23,2%; во Франции — 6,7 млн человек, или 10,7% (Report on International Migration 2010). В США современная масштабная миграция также привела к существенным изменениям в этноконфессиональном составе населения. Общее число иммигрантов в США в 2010 г. достигло более 40 млн, что соответствует примерно 13% населения (US Census Bureau's 2010 American Community Survey).

Современные государства-реципиенты все чаще сталкиваются с проблемой увеличения фрагментарности социальной ткани, сопровождающейся актуализацией этнорелигиозной идентичности в ряде групп иммигрантов в противовес идентичности общегражданской.

© М. С. Розанова, В. Л. Михеев, 2013

¹ Материалы подготовлены при финансовой поддержке Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга в рамках выполнения работы по гранту «Механизмы интеграции мигрантов в Санкт-Петербурге» (2011), организационной поддержке Государственной морской академии имени адмирала С. О. Макарова в рамках выполнения НИР «Проблемы миграционной политики в Российской Федерации в рамках межрегионального и международного сотрудничества и взаимодействия (на примере деятельности ГМА им. адм. С.О.Макарова)».

Одними из факторов являются отсутствие эффективных механизмов регулирования масштабной транснациональной миграции и особенности процесса социокультурной адаптации и интеграции мигрантов, преимущественно выходцев из мусульманских стран и регионов. На государственном уровне попытки решить проблему растущей поляризации общества предпринимаются в том числе посредством трансформации института гражданства и изменения механизмов натурализации.

На фоне ускоряющихся процессов глобализации институт гражданства, связывающий человека с государством и наделяющий его правами и обязанностями, не теряет своей актуальности. Однако изначальное предназначение гражданства как механизма политического и социального сплочения единого народа (нации) в новых условиях утрачивает прежний смысл. Гражданами оказываются не только индивиды, рожденные на территории данного государства и потенциально разделяющие основополагающие социальные и политические ценности, но также и иммигранты, получающие гражданство в процессе натурализации. Реализация в разных странах разноплановых векторов в сфере натурализации мигрантов — от избирательной либерализации иммиграционного законодательства до введения дополнительных ограничительных мер — актуализирует дискуссионный вопрос о стратегиях трансформации института гражданства в эпоху глобальных миграций. Во многом это определяется тем, что институт гражданства пытаются использовать в качестве инструмента не только миграционной, но и все более значимой интеграционной политики.

В сфере натурализации можно отметить две основополагающие тенденции. Во-первых, в ряде государств процедура натурализации мигрантов усложнилась после террористических актов начала XXI в., когда миграционное законодательство стало одновременно антитеррористическим. Во-вторых, наметилась корреляция между натурализацией мигрантов и интеграцией последних в жизнь принимающего общества. Предполагается, что натурализация должна сделать мигрантов гармоничной частью общества с точки зрения принятия не только политической культуры, но и культурных традиций и обычаев принимающей стороны. Таким образом, новый критерий — «культура» — постепенно становится одним из базовых критериев для предоставления гражданства.

В связи с этим в большинстве европейских стран система тестов для натурализации не ограничивается выявлением знаний основ государственно-правового строя страны, структуры органов государственной власти и местного самоуправления, официальных симво-

лов, прав и обязанностей, включая права меньшинств и уязвимых слоев населения. К примеру, в Великобритании тест содержит вопросы о том, как следует себя вести в повседневной жизни, в Германии — о христианстве как важной части исторического наследия страны, традиционных праздниках (Пасха) и правах женщин в семье. При этом открытым остается вопрос, насколько тестирование является показателем интегрированности и доказательством того, что претендент является индивидом «активным, эффективным и участвующим» (Сойсал, 2011, с. 221). На практике успешно сданный тест не гарантирует и даже не предполагает «превращения иммигранта в члена культурно однородного национального коллектива», поскольку так называемые интеграционные тесты, «несмотря на свою значимость, не содержат в себе никаких черт, указывающих на национально-государственную специфику или на особенности в философии интеграции» (Там же, 2011, с. 220–221).

В европейских странах тесты намного сложнее, чем в США, но, в отличие от США, европейская система тестирования не столько является дополнительной мерой иммиграционного контроля, сколько представляет собой важный начальный этап интеграции мигрантов (Etzioni, 2009, р. 70). К примеру, Германия, Нидерланды, Великобритания предоставляют мигрантам специальные программы для изучения языка страны, ее культуры и истории, а также основ обществоведения. Тем не менее статистические данные свидетельствуют о некотором несоответствии декларативных заявлений о помощи мигрантам в натурализации и реальной практикой (особенно это касается ряда стран ЕС, где были приняты государственные программы, направленные на реализацию концепции «общего гражданства» (Gilbert, 2007/2008, р. 103)). Показательным является сравнение европейских стран и США с Канадой. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Cooperation and Development), 89% иммигрантов трудоспособного возраста (15–64), проживших в Канаде не менее десяти лет, получили канадское гражданство к 2007 г. Для сравнения: к 2007 г. только 57% данной категории иммигрантов в Дании получили датское гражданство, 47% — во Франции, 37% — в Германии, 82% — в Швеции, 78% — в Нидерландах, 52% — в Австрии, 12% — в Люксембурге, 44% — в Испании, 35% — в Швейцарии, 50% — в США (Naturalisation..., 2011, р. 28).

Несмотря на то что в США законодательство о гражданстве является одним из самых либеральных в мире, имеет место тенденция использования последнего в качестве инструмента для ограничения иммиграции (показательным примером служит переход независимой Службы иммиграции и натурализации (The Immigration and Naturalization Service) в подчинение Департаменту национальной

безопасности (Homeland Security Department) в 2002 г.). В октябре 2008 г. наряду с повышением госпошлины при подаче заявления на получение гражданства была утверждена новая система тестирования, затрудняющая приобретение гражданства для малообеспеченных и менее образованных мигрантов, недостаточно свободно владеющих английским языком.

Оценка данных натурализации в США представляется несколько неполной без рассмотрения динамики изменения подходов к натурализации (рис. 1).

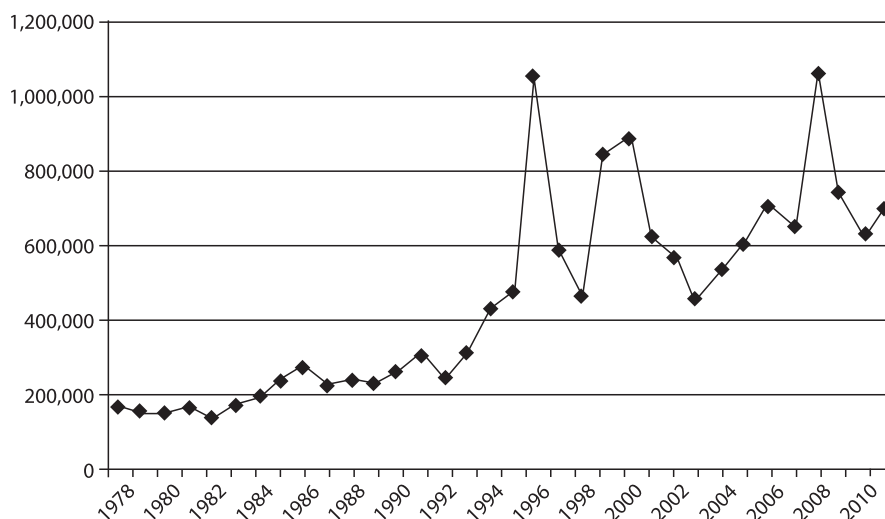

Рис. 1. Динамика приобретения гражданства США (1978–2010 гг.).
Рассчитано по: Yearbook of Immigration Statistics, 2011.

Последний резкий подъем уровня натурализовавшихся в 2007–2008 гг. (с 660 477 до 1 046 539) произошел благодаря политическим решениям в период президентских выборов. В последующий период с 2008 по 2010 г. численность получивших гражданство снизилась на 40,8%: в 2009 г. приобрели гражданство 743 715 человек (меньше на 28,9% по сравнению с 2008 г., в 2010 г. — 619 913, на 16,6% меньше по сравнению с предыдущим годом). Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии устойчивой политики натурализации в высших политических кругах США.

Актуализация проблемы натурализации как завершающей стадии формальной/реальной интеграции мигрантов в принима-

ющее сообщество во многом связана с обеспечением национальной безопасности во всех иммиграционных странах как следствие активизации террористической деятельности, а также с институализацией мусульманских диаспор в европейских странах. В конце прошлого столетия разнородный контингент мигрантов из разных стран с доминированием мусульманского населения стал рассматриваться не в категориях расы или этничности, а вероисповедания (Johnson, 2012(b)). Несмотря на то что в реальности не существует монолитной мусульманской общности, сравнительный анализ самых общих тенденций в процессе интеграции мусульман в европейских странах и США может частично подтвердить и частично опровергнуть общее представление о том, что «исламский фактор» имеет значение. Среди анализируемых показателей — численность, уровень образования и доходов, гражданская и религиозная идентичность мусульман-иммигрантов.

Серьезное различие между европейскими государствами и странами Северной Америки выявляется в количественных показателях мусульманского населения. Данные, представленные в докладе *The Future of the Global Muslim Population*, показывают, что на Американском континенте — самый низкий процент мусульманского населения в мировом масштабе (The Future..., 2011) (табл. 1).

Таблица 1. Численность мусульманского населения в странах Европы и Северной Америки

Регион/страна	Численность мусульманского населения (чел.)	Число мусульманского населения в стране/регионе (%)	Число мусульманского населения в мире (%)
Европа, в том числе:	44 138 000	6.0	2.7
Германия	4 119 000	5.0	0.3
Швейцария	433 000	5.7	< 0.1
Испания	1 021 000	2.3	0.1
Франция	4 704 000	7.5	0.3
Нидерланды	914 000	5.5	0.1
Люксембург	11 000	2.3	< 0.1
Дания	226 000	4.1	< 0.1
Италия	1 583 000	2.6	0.1
Бельгия	638 000	6.0	< 0.1
Австрия	475 000	5.7	< 0.1
Великобритания	2 869 000	4.6	0.2
Америка, в том числе:	5 256 000	0.6	0.3
США	2 595 000	0.8	0.2
Канада	940 000	2.8	0.1

Однако на фоне имеющихся численных различий прослеживается общая тенденция. При сохранении масштабов мусульманской иммиграции, в сочетании с традиционно высоким уровнем рождаемости, демографы прогнозируют резкое увеличение численности мусульманского населения — как в европейских странах, так и в США — примерно вдвое к 2030 г.

Важным показателем успешной интеграции является социально-экономическое положение мигрантов в принимающих странах. Социальный статус и уровень доходов мусульман в США значительно отличаются от аналогичных показателей в мусульманских общинах Европы. В целом в США по уровню благосостояния и образования мусульмане находятся очень близко к остальному населению (35% мусульман декларировали доход более 50 тыс. долларов в год и выше, аналогичный показатель по остальной части населения — 43%; 14% мусульман декларировали доход более 100 000 долларов в год и выше, аналогичный усредненный показатель в США — 16% (Demographic..., 2011). Порядка 24% имеют высшее образование, что также соответствует средним показателям в США. Согласно проведенному в 2007 г. опросу, среди американских мусульман только 2% имеют низкие показатели дохода (Muslim Americans: Middle..., 2007). Примечательно также то, что в США уровень образования женщин мусульманского вероисповедания — один из самых высоких по сравнению с представительницами других конфессий. Мусульманки уступают только представительницам еврейских общин (Younis, 2011). По статистике, мусульмане, чей уровень образования и доходов соответствует среднестатистическим показателям, «в высокой степени ассимилированы в американское общество» (Muslim Americans: Middle..., 2007). В европейских странах ситуация существенно отличается: в Великобритании, Франции и Германии порядка 20% в группе населения с низким уровнем дохода составляют мусульмане (Johnson, 2012 (a)). Во многом данное положение определяется различным историческим контекстом иммиграции мусульман. В Европе после Второй мировой войны основой массового притока представителей мусульманских стран были низкоквалифицированные рабочие, позднее их ряды пополнили беженцы; в США сравнительно меньшая по масштабам миграция по своим характеристикам являлась не столько трудовой, сколько образовательной: в основной контингент мусульман-иммигрантов входили желающие получить высшее и постдипломное образование за океаном (Johnson, 2012 (b)).

Скорость социокультурной интеграции во многом зависит от типа расселения иммигрантов — дисперсного или анклавного.

В США и Европе территориальное расселение различных категорий населения коррелирует с уровнем доходов. В европейских странах изначально низкий уровень образования мусульман-иммигрантов, отсюда и низкий социально-экономический статус, которые способствовали превращению последних в маргинальную группу, крайне зависимую от социальных пособий. По данным доклада Центра исследования европейской политики, в непрестижных районах с плохо развитой инфраструктурой и высокими показателями преступности располагаются именно мусульманские общины (European Islam, 2007). Это подтверждается и сравнительными социологическими исследованиями. Среди американцев 50% респондентов считают, что мусульмане-иммигранты интегрируются «хорошо»/«очень хорошо», в то время как среди европейцев данной точки зрения придерживаются 40% опрошенных (The Transatlantic Trends, 2011, p. 20).

Сложности культурной интеграции через десегрегацию мусульманского населения связаны с языковым барьером, ярко выраженными культурными различиями и нормами поведения, а также и сформировавшимся негативным восприятием ценностей западного мира. Об этом свидетельствуют данные опроса, который проводился в 2011 г. (Muslim-Western Tensions..., 2011). В опросе принимали участие респонденты из мусульманских стран (Пакистан, Индонезия, Турция, Египет, Иордан, Палестина, Ливан) для характеристики представителей западного мира, а также представители России, европейских стран (Германия, Франция, Великобритания, Испания) и США из числа немусульманского населения для характеристики мусульман.

Таблица 2. Характеристики личностей, ассоциируемых с носителями ислама и представителями стран Запада

Общие характеристики	Представления мусульман о представителях западного мира (%)	Представления жителей стран Запада о мусульманах (%)
Эгоистичный	68	35
Жестокий	66	50
Жадный	64	20
Безнравственный	61	23
Высокомерный	57	39
Фанатичный	53	58
Уважительно относится к женщинам	44	22
Честный	33	51
Толерантный	31	30
Щедрый	29	41

Тревожным фактором является то, что более половины ответов опрошенных в мусульманских странах крайне негативно характеризуют носителей западных ценностей, и лишь менее половины ответов связывают такие качества, как уважительное отношение к женщине, честность, щедрость и толерантность с представителями Запада. Это контрастирует с данными, полученными от представителей западных принимающих стран. Они характеризуют представителей ислама значительно более позитивно.

В США мусульмане представляют собой этнически наиболее неоднородную группу (Younis, 2011), члены которой хоть и образуют тесные диаспоральные связи, но проживают преимущественно дисперсно. Тем не менее, несмотря на такой способ расселения мусульман и высокую степень интеграции, террористические акты 2001 г. и тенденции радикализации в среде представителей мусульманской общины не могли не отразиться на восприятии мусульман в американском обществе. По данным Института исследования официальной религии в США, около половины опрошенных американцев (47%) убеждены, что ислам противоречит американским ценностям (What It Means..., 2011), среди тех, кто считает, что есть религии, более склонные к насилию, порядка 70% респондентов утверждают, что ислам в большей степени, чем другие религии, поощряет насилие (Muslim-Western Tensions, 2011). Это может служить негативным фактором в процессе дальнейшей интеграции мусульман-иммигрантов.

В Европе среди тех, кто считает, что есть религии, более склонные к пропаганде насилия, подавляющее большинство называют ислам (90% во Франции, 87% в Испании, 79% в Германии, 75% в Великобритании). В европейских странах особое внимание общественности к исламу также обусловлено позиционированием исламских общин и демографическими прогнозами (к 2050 г. жители иностранного происхождения, преимущественно мусульмане, образуют численное большинство в крупных европейских городах). Мусульмане Германии, Великобритании, Испании и Франции признают особое значение религиозных норм в повседневной жизни. Их приверженность своей религии значительно выше, чем в европейском обществе в целом (рис. 2). Респондентам был предложен следующий вопрос: «Кем Вы считаете себя в первую очередь?» Более того, мусульмане в этих странах склонны идентифицировать себя в первую очередь со своей религией (см. рис. 2) (Muslims in Europe..., 2006, p. 3), а также со страной исхода (Johnson, 2012 (a)).

Международные политические процессы

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «Кем Вы считаете себя в первую очередь?» (%).

Во многом подобная самоидентификация обусловлена спецификой современных мусульманских стран-доноров. Данные свидетельствуют о несформированности у жителей этих стран гражданской идентичности и идентификации последних в большей степени с исламом (Muslim-Western Tensions..., 2011) (рис. 3).

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос: «Кем Вы считаете себя в первую очередь?» (%).

Следование нормам ислама и традиционного общества является одной из отличительных черт европейских иммигрантов из мусульманских стран, что способствует нарастанию интолерантного отношения со стороны принимающих сообществ. В Европе настороженное отношение к исламу и демонстративное отторжение его привержен-

цев во многом обусловлены исторической трансформацией взаимоотношений государства и религии, а также официальной позицией правительств европейских стран, старательно проводящих «демаркационные линии» между этими институтами. Само европейское общество является в значительной степени секуляризованным, а значит, социально приемлемым/одобряемым для европейцев является нерелигиозное поведение и взгляды (Ibid.) (рис. 4).

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос
«Кем Вы считаете себя в первую очередь?» (%)

Также в ряде европейских стран (Великобритания, Франция, Германия, Испания, Польша) 62% европейцев считают свои ценности «либеральными» в противовес «традиционным» (Guardian Euro Poll, 2011). На этом фоне мусульмане олицетворяют собой символы архаичного прошлого, воспринимаясь как противники современного уклада жизни и европейских ценностей. Более половины европейцев (Франция, Испания, Германия, Великобритания) оценивают свои взаимоотношения с мусульманами как «плохие», а также отмечают нежелание мусульман-иммигрантов интегрироваться в принимающее сообщество (Muslim-Western Tensions, 2011).

В США религиозная идентичность иммигрантов-мусульман и их потомков практически конкурирует с политической. Однако, по сравнению с другими религиозными группами (протестанты, католики, мормоны, иудеи, и др.), мусульмане демонстрируют более низкие показатели политической лояльности и гражданской активности. Об этом свидетельствуют данные опросов, проведенных Американским институтом общественного мнения GALLUP в 2010 г. (Younis, 2011). Респондентам был предложен следующий вопрос: «К какой общности Вы себя в большей степени относите?» (в табл. 3 приведены

в процентном соотношении ответы респондентов, выбравших «Очень сильно» и «Чрезвычайно сильно»).

Таблица 3

	США (%)	Ваше этническое происхождение (%)	Ваша религия (%)	Те, кто разделяет Ваши религиозные взгляды (%) (в мировом масштабе)
Мусульмане	69	60	65	37
Протестанты	91	57	70	50
Католики	88	60	55	39
Мормоны	92	69	90	81
Иудеи	86	56	49	43
Атеисты/агностики	76	36	9	12

Самые низкие в обществе показатели политической активности среди представителей мусульманского населения США отражаются и на участии последних в политических процессах. По данным исследования, проведенного организацией *Gallup* в 2008-2011 гг., среди представителей других религиозных групп мусульмане демонстрировали на выборах самые низкие показатели в сфере активного избирательного права (*Muslim Americans: Faith...*, 2011) (табл. 4).

Таблица 4

	Процент участвующих в выборах
Мусульмане	65%
Протестанты	91%
Католики	78%
Мормоны	84%
Иудеи	91%
Атеисты/агностики	78%

Как в Европе, так и США общим фактором, замедляющим темпы интеграции иммигрантов в целом и мусульман в частности, является интолерантное отношение принимающего общества. Опросы, проведенные в США и странах Европейского Союза, выявили множество сходных черт в отношении населения к мигрантам. Сравнительные

исследования общественного мнения в иммиграционных странах выявляют дилемму современных демократических государств — увеличивающийся разрыв между общественным мнением и принимаемыми политическими решениями в сфере миграционной политики.

В Европе опросы показали, что миграция относится к числу первостепенных вопросов, вызывающих серьезную озабоченность европейских граждан (Beutin et al., 2007, p. 391). Исследования общественного мнения показывают, что неприятие иммигрантов (как из стран «третьего мира», так и из бедных стран Европы) свойственно 50% населения. Кроме того, около 58% населения в целом счита.т, что иммигранты представляют экономическую и культурную угрозы (Majorities' attitudes..., 2011). Аналогичные данные предоставлены Европейским центром мониторинга расизма и ксенофобии в отчете об отношении европейского общества к мигрантам и меньшинствам. Центр подтверждает, что в принимающем обществе «превалирует коллективная фобия в форме восприятия меньшинств в Западной и Восточной Европе как этнической угрозы. Эти воззрения разделяют 58% респондентов» (Beutin et al., 2007, p. 393).

Опрос общественного мнения в США показал, что «порядка 48% респондентов поддерживают идею усиления миграционного контроля. Но при этом из оставшихся опрошенных примерно одна четверть заявляет, что границы США должны быть открыты для всех мигрантов, а другие 25% высказались за то, чтобы полностью закрыть границы» (The result..., 2007). Далеко не все американцы верят в то, что иммиграция оказывает позитивное влияние на социально-экономическое развитие страны: 53% респондентов утверждают, что «иммиграция создает, скорее, проблемы, нежели открывает новые возможности» (The Transatlantic Trends, 2011, p. 5–6).

В США с проявлением интолерантности часто сталкиваются исповедующие ислам, несмотря на то, что американцы являются «возможно, самыми религиозными людьми в современном обществе» и должны с пониманием относиться к верующим. Для объяснения данной ситуации нужно учитывать несколько факторов. Во-первых, в публичных местах американцы склонны преувеличивать свою религиозность, в том числе участвуя в опросах в качестве респондентов. Такое восприятие религиозности как социальной добродетели определяет различие с респондентами в европейских странах: «Очевидно, что американцы полагают, что они должны быть верующими, в то время как европейцы считают, что им следует быть нерелигиозными» (Casanova, 2009, p. 150).

Второй фактор связан с историей межконфессиональных отношений. Официально в США пропагандируется равноправие религий, закрепленное в Конституции США (Поправка 1). При этом большую часть своей истории Америка считалась христианской страной, где под христианством подразумевалась протестантская религия, а религиозный плюрализм рассматривался в рамках американского протестантизма (основными критериями социального членства были раса и религия, следовательно, «истинными» американцами могли считаться только белые англосаксонские протестанты (так называемые WASP). Эта парадигма доминирует в общественном сознании и по сей день. В аналогичной манере, как и католицизм в прежние времена², современный ислам рассматривается в США в контексте противостояния ценностей Востока и Запада и описывается в терминах столкновения цивилизаций, а мусульмане находятся в ситуации, когда «религия и раса вновь становятся значимыми маркерами, позволяющими заочно вынести вердикт о том, сможет ли иммигрант ассимилироваться или останется подозрительным чужаком» (Ibid., p. 154).

Проведенные исследования выявили некоторые различия в общественном мнении в европейских странах и США. Естественно, что в странах, относительно недавно открытых для мигрантов, большое число граждан высказывается за сохранение культурной и религиозной однородности, в то время как население США относится более терпимо к культурному и религиозному разнообразию. Но, несмотря на более толерантное отношение к мигрантам, сегодня нет оснований говорить об «американской исключительности». В США в значительной степени распространено убеждение о том, что «Соединенные Штаты должны оставаться белой страной, а ее этнический и расовый (и конфессиональный — *M. P., B. M.*) составы населения не должны подвергаться радикальным изменениям» (Glazer, 2007, p. 264).

Краткий сравнительный анализ обозначает дилемму современных демократических государств между общественными настроениями и принимаемыми решениями в области государственной политики

---

² Долгое время католики были вытеснены из американского мейнстрима, поскольку их религиозные убеждения были «несовместимы с современной демократией и индивидуальными свободами» (А. Токвиль). Со временем благодаря укрепившимся позициям иммигрантов католического и иудейского вероисповедания американская нация стала рассматриваться как иудео-христианская, где «протестантизм оказывал и оказывает существенное влияние на католицизм и прочие культуры» (Хантингтон, 2004). Масштабная миграция способствует росту популярности мнений, что этнический и расовый состав населения Соединенных Штатов не должен подвергаться радикальным изменениям, а значит, белое преимущественно иудео-христианское население должно сохранять свои доминирующие позиции.

и управления (Ibid., p. 258–259): общественное мнение выступает за ограничение притока мигрантов, в то время как правительства пытаются решить проблему демографического кризиса, старения населения и растущих потребностей экономики в рабочей силе за счет мигрантов. Актуализируется парадокс, когда «в вопросах, касающихся иммиграции и гражданства, недемократические решения, принимаемые элитой, могут привести к более либеральной политике, тогда как реальное участие населения — к ужесточению законодательства... Это, скорее, именно тот разрыв, который обнажает проблемы демократии, решение которых может быть очень непростым. Как долго можно игнорировать требования большинства и какими будут последствия?».

Несмотря на то, что до сих пор не прослеживается четкой корреляции между общественными настроениями и трансформацией института гражданства (Howard, 2006, p. 443–455), антимиграционные настроения в США и европейских странах в большей или меньшей степени способствуют делиберализации иммиграционного законодательства и изменению принципов натурализации (Howard, 2007).

В Европе острой критике подвергается декларируемая в прошлом концепция либерального мультикультурализма. Так, в октябре 2010 г. канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что в Германии мультикультурный подход «совершенно провалился», премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон обвинил политику мультикультурализма в неспособности формировать общую идентичность народа и способствующую сегрегации и радикализации мусульманских диаспор. Будучи президентом Франции Николя Саркози охарактеризовал мультикультурализм как неудачную модель взаимодействия с мигрантами. Таким образом, с 2010 г. наметился четкий переход от концепции либерального мультикультурализма к коммунитаристскому, практика которого позволяет устанавливать культурные ограничения, чтобы обеспечить «общность судьбы» народа и защитить национальную идентичность. Данное нововведение может в значительной степени отразиться на либерально-демократических принципах европейских государств. В настоящее время проявляется противоречие между принципами либерализма и реальной практикой в сфере иммиграционной политики и натурализации. Как замечает К. Джоппке, для защиты своих принципов либеральное государство вынуждено прибегать к нелиберальным практикам, чтобы «либерализовать нелиберальное».

Публичная критика либерального мультикультурализма и обвинение последнего в подрыве основ социальной сплоченности и разрушении культурных ценностей укрепили позиции и без того набирающих

популярность ультраправых политических движений и партий в ряде европейских стран: в Нидерландах (Партия Свободы (PVV), набравшая на последних выборах 15,5%), в Швеции (Партия шведских демократов (SD), набравшая 5,5%), в Финляндии (Партия истинных финнов (PS), получившая 19,1% и ставшая по численности третьей крупнейшей партией Парламента), в Дании (Партия датского народа (DFP), набравшая 13,8%), в Норвегии (партия, которую однозначно сложно отнести к ультраправым, — Партия прогресса (FP), набравшая на последних выборах 22,9%), в Венгрии (Движение за лучшую Венгрию (Jobbik), набравшее 16,7%), в Италии (Северная лига (LN), получившая 8,3%), в Латвии (Национальный альянс (NA), получивший 7,7%), в Австрии (Альянс для будущего Австрии (BZÖ), получивший 10,7%, Партия свободы Австрии (FPÖ), набравшая 17,5%), в Швейцарии (партия, которую однозначно сложно отнести к ультраправым, — Партия швейцарского народа (SVP), получившая 26,6%) и во многих других странах (Mudde, 2011, p. 12–13). Антимиграционные настроения в США повлияли на то, что 109-й Конгресс отклонил законодательную инициативу по легализации миллионов нелегальных трудовых мигрантов. Политический тренд, связанный с ужесточением мер в отношении мигрантов (главным образом, из стран Латинской Америки), постепенно переходит из сферы политических дискуссий в поле законодательных инициатив. Так, распространяющаяся мигрантофобия порождает попытки проводить жесткую миграционную политику на государственном уровне в штатах Аризона, Мичиган, Южная Каролина, Джорджия, Миннесота, Пенсильвания, Род-Айленд, Оклахома и Колорадо. Данные тенденции могут в существенной степени снизить скорость интеграции мигрантов.

Подводя общие итоги, необходимо отметить, что представление института гражданства в качестве одного из механизмов миграционной политики и, как принято считать, интеграционной политики в глобализирующемся мире содержит в себе сложно разрешимые противоречия. Это связано с тем, что, во-первых, в понятие современного гражданства входит «коллективная идентичность, которая формируется поверх классовой, расовой, гендерной или религиозной принадлежности, а также поверх различий в этническом происхождении или образе жизни» (Баубек, 2011, с. 20); во-вторых, современное гражданство не сводится к статусу, и от граждан ожидается не просто проживание на территории страны (что определяет статус «denizen»), но и участие определенным образом в жизни общества и государства, «фокусировка культурной и политической лояльности». Таким образом, происходит смещение акцента с «гражданства как статуса» в сторону «гражданства как практики» посредством выдвижения на передний план концепции «гражданства как желательного типа

деятельности», где «желательная деятельность намекает, скорее, на нормативно “правильное”, в соответствии с идеалом гражданина, поведение индивидов, чем на реальную борьбу реальных политических сил» (Капустин, 2011, с.79). В связи с этими изменениями в парадигме постепенно меняется процедура натурализации, целью которой провозглашается не столько наделение статусом гражданина и соответствующими политическими правами, сколько социокультурная интеграция в принимающий социум. Однако в новой системе, где гражданство становится «мерилом “правильного” и подходящего поведения в обществе» (Там же, с. 53–54), заложены существенные противоречия между декларируемыми целями и реальными предпосылками для их реализации.

Здесь важно отметить, что в европейской и американской практике натурализации не учитывается тот факт, что мигранты — «скорее акторы, чем объекты, на которые принимающее сообщество направляет свои усилия» (Immigration..., 2008, p. 2). Как замечает Блэр Рубл, с одной стороны, сами мигранты — это не «пластичные объекты», которые можно изменять, заново конструируя новую социокультурную идентичность, с другой — в самом принимающем сообществе (это относится к ведущим принимающим странам) очень сложно в эпоху глобализации и постоянно корректирующейся идентичности определить и структурировать основной перечень качественных показателей, характеризующих ценностную структуру социума, а также социальные нормы, стиль общения, поведенческие коды. Но даже несмотря на амбивалентность процессов культурного влияния, на основании краткого сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что натурализация мигрантов на примере мусульманского населения представляет собой сложный многоступенчатый процесс в принимающих странах Европы и отчасти в США, поскольку основу современного гражданства составляет «коллективная идентичность». Для формирования последней от мигрантов требуются расширение узкого репертуара этнорелигиозной идентичности, лояльность формализованным институтам политического управления и предельная терпимость ко многим нормам, несовместимым с традиционным укладом, а от членов принимающего сообщества — более высокая степень открытости и толерантности.

Другим значимым фактором является то, что в силу принадлежности большинства транснациональных мигрантов, включая представителей мусульманских диаспор, к традиционной политико-правовой культуре, даже при условии приобретения гражданства новой страны, эти иммигранты рассматривают его в большей степени как временное/бессрочное *средство* (в первую очередь социальные права

и гарантии), а не как *способ* (участие в политической и общественной жизни всего социума). Такое утилитарное отношение не затрагивает ценностную сферу, а потому не может оправдать ожиданий принимающего общества от натурализованных мигрантов лояльности к властям и политическому режиму, уважения и соблюдения гражданских прав и обязанностей, готовности стать неотъемлемой частью народа и разделить его судьбу.

Таким образом, в европейских странах и отчасти в США современная система натурализации не в состоянии решить проблему интеграции и политической социализации огромных масс иммигрантов/транснациональных мигрантов и их потомков, особенно если они являются представителями мусульманских диаспор. На фоне демографических прогнозов и процессов дальнейшей институализации диаспор это вызывает серьезные опасения как политических лидеров, так и представителей научных кругов и широких масс общественности, особенно в связи с тем, что в будущем это может угрожать стабильности современных демократий, которая во многом определяется «качеством» граждан и «способностью» иммигрантов к современному гражданству. Особую значимость в данном контексте приобретают гражданская идентичность, т.е. то, «как граждане рассматривают потенциально конкурирующие формы национальной, региональной, этнической или религиозной идентичности», законопослушность и лояльность к политическим институтам, преобладание толерантного отношения в условиях многонациональных обществ. В идеале у гражданина должна быть сформирована активная политическая позиция — «желание участвовать в политическом процессе для того, чтобы способствовать достижению общего блага» при установке на уважение прав других (Кимлика, 2010, с. 363, 368). Как показывает практика, в отличие от процедуры предоставления вида на жительство для широких кругов мигрантов, где интеграционный тест и образовательные программы были бы очень уместны, «гражданство должно предлагаться всем тем — и только тем индивидам, которые имеют заинтересованность в будущем определенного политического сообщества» (Баубек, 2011, с. 35).

Литература

Баубек Р. Граждане в движении: демократические стандарты политического и социального членства мигрантов // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире/ общ. ред. В. С. Малахов, В.А. Тишков, А.Ф. Яковлева. М.: Издательство «ИКАР», 2011. 266 с. (Baubek R. Citizens in motion: the democratic standards of political and social membership of migrants // State, migration and cultural pluralism in a modern world / ed. by V.S. Malakhov, V.A. Tishkov, A.F. Yakovlev. Moscow: Publishing House "IKAR", 2011. 266 p.)

Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество / под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом. Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. 224 с. (Kapustin B.G. Citizenship and Civil Society / under scientific ed. of A. Smirnov. Moscow: Publishing House of State Univ. - Higher School of Economics, 2011. 224 p.).

Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 592 с. (Kymlicka W. Contemporary Political Philosophy: an Introduction. Moscow: Publishing House of State Univ. — Higher School of Economics, 2010. 592 p.).

Сойсал Я. «Космополитизация» нации и гражданина: европейская дилемма // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире/ общ. ред. В. С. Малахов, В.А. Тишков, А.Ф. Яковлева. М.: Издательство «ИКАР», 2011. 266 с. (Soysal Y. "Cosmopolitization" of the nation and the citizen: European dilemma // State, migration and cultural pluralism in the modern world / ed. by V.S. Malakhov, V.A. Tishkov, A.F. Yakovlev. Moscow: Publishing House "IKAR", 2011. 266 p.).

Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: Издательство АСТ, 2004. 635 с. (Huntington S. Who are we?: Challenges to America's National Identity. Moscow: ACT Publishers, 2004. 635 p.).

Beutin R., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., and Sochacki M. Reassessing the Link between Public Perception and Migration Policy / European Journal of Migration and Law, Vol. 9, N 4. (2007). P. 389–418.

Casanova J. Immigration and the new religious pluralism: a European Union-United States comparison / Secularism, religion, and multicultural citizenship / [edited by] Geoffrey Brahm Levey, Tariq Modood. Cambridge University Press, New York, 2009. 272 p.

Demographic and Economic Profile of Muslim Americans, 2011. Pew Research Center // www.pewforum.org.

Etzioni A. New Common Ground: a New America, a New World. Virginia: Potomac books, 2009. 256 p.

European Islam: Challenges for Society and Public Policy, The report of the Center for European Policy Studies, Brussels, 2007 // www.ceps.eu, 20.11.2011.

Gilbert L. National Identity and Immigration Policy in the U.S. and the European Union, Columbia Journal of European Law, Winter, 2007/2008 (European Legal Studies Center, Columbia University). P. 99–144.

Glazer N. Concluding Observations / Debating Immigration. Carol M. Swain (ed.). New York: Cambridge University Press, 2007, 312 p.

Guardian Euro Poll (2011), ICM Research.

Howard M. Comparative Citizenship: an Agenda for Cross-National Research // Perspectives on Politics, Vol. 4 (No. 3), 2006. P. 443–455.

Howard M. The Politics of Immigration and Citizenship in Europe / Debating Immigration, Carol M. Swain (ed.) New York: Cambridge University Press, 2007. 312 p.

Immigration and Integration in Urban Communities: Renegotiating the City / Eds. Lisa M. Hanley, Blair A. Ruble, Allison M. Garland. Johns Hopkins University Press, 2008. 315 p.

Johnson T. Europe: Integrating Islam / The Council on Foreign Relations // www.cfr.org, 04.03.2012 (a).

Johnson T. Muslims in the United States / The Council on Foreign Relations // www.cfr.org, 04.03.2012 (b).

Majorities' attitudes towards minorities in Western and Eastern European Societies: Results from the European Social Survey 2002–2003, Report 4 for the European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia // <http://fra.europa.eu/fraWebsite/attachments/Report-4.pdf>, 12.06.2011.

Mudde C. Radical Right Parties in Europe: What, Who, Why? // Bulletin of the International Political Party Association. Vol. 35, N1 (October) 2011. P. 12–15.

Muslim Americans: Faith, Freedom, and the Future. Examining U.S. Muslims' Political, Social, and Spiritual Engagement 10 Years After September 11 (2011), The Abu Dhabi Gallup Center.

Muslim Americans: Middle Class and Mostly Mainstream (2007), Report of the Pew Research Center // www.pewresearch.org, 24.02.2012.

Muslims in Europe: economic worries top concerns about religious and cultural identity. 13-Nation Pew Global Attitudes Survey (2006) // www.pewglobal.org, 17.09.2011.

Muslim-Western Tensions Persist (2011). Report of the Pew Global Attitudes // <http://www.pewglobal.org>, 04.05.2012.

Naturalisation: A Passport for the Better Integration of Immigrants? OECD (2011) // http://www.oecd.org/document/23/0,3746,en_2649_37415_48125719_1_1_1_37415,00.html, 12.01.2012.

Report on International Migration 2009, United Nations, 23.06.2010 // www.unmigration.org

The Future of the Global Muslim Population (January 2011), Report of Pew Research Center // <http://pewresearch.org>, 26.02.2012.

The results of the New York Times/CBS News poll (May, 2007) // http://www.nytimes.com/2007/05/25/us/25poll.html?_r=1, 23.06. 2011.

The Transatlantic Trends: Immigration2011 // trends.gmfus.org, 02.05. 2012.

What It Means to Be American: Attitudes in an Increasingly Diverse America Ten Years After 9/11, The report of the Public Religion Research Institute (2011) // <http://publicreligion.org>, 16.12.2011.

www.un.org/esa/population/migration/index.html, 19.12.2011.

Yearbook of Immigration Statistics (2011) // <http://www.dhs.gov/yearbook-immigrationstatistics-2011>, 01.10.2012.

Younis M. Muslim Americans Identify With God and Country (2011) / Gallup Center for Muslim Studies, 25.02.2012.